

Мадам Боунс покинула больницу накануне поздно вечером, убедившись, что Гарри не страдает от проблем со здоровьем. После того, как целители из отделения неотложной помощи убедились, что состояние его здоровья стабилизировалось, он был переведён с аврорским охранником в отдельную палату с критическими повреждениями и тщательным наблюдением.

Однако перед тем, как она ушла, ведущий целитель передал ей несколько листов пергамента с перечнем повреждений, которые были обнаружены при сканировании самого известного из молодых пациентов. На его лице появилось грозное выражение, когда он передавал листы. Пергамент также подтвердил, что мальчик действительно страдал от частичной одержимости, которая теперь, к счастью, исчезла.

Лекарь сказал: "Мы оставим его на некоторое время здесь, в одной из наших частных лечебных комнат. По крайней мере, в течение следующей недели мы будем практически насильно кормить его довольно обильным зельем".

"Спасибо", - ответила Амелия. "Я также приставлю к нему круглосуточную охрану на время его пребывания здесь".

"Вы только проследите, чтобы тот, кто это сделал... - прорычал Целитель, указывая на пергамент, - ...был привлечен к ответственности. Я также буду выступать в качестве свидетеля на суде над преступником".

"Принято к сведению", - вздохнула мадам Боунс. "Вы позаботитесь о нем, а я позабочусь о преступнике".

Наступило утро после событий Сортировочного пира, и мадам Боунс остановилась в своем расследовании лишь на несколько коротких часов. За все это время ей удалось поспать всего около трех часов на раскладушке в своем кабинете.

Она просмотрела воспоминания, собранные ею и её аврорами у сотрудников и учеников школы, и они совпали с тем, что она услышала от мадам Помфри и профессора Флитвика.

Теперь она просматривала документы Министерства в поисках информации о том, где и с кем жил мальчик. Гарри не был слишком откровенен с адресами и т.п., когда она разговаривала с ним в последний раз. Она также пыталась выяснить, почему мальчик обвиняет Альбуса Дамблдора, Минерву МакГонагалл и Рубеуса Хагрида в преступлениях против него.

Из документов Министерства она узнала, что почти все они были запечатаны самим Альбусом Дамблдором. И что Альбус Дамблдор назначил себя магическим опекуном мальчика. Не совсем понятно было то, что магический опекун требовался только в том случае, если несовершеннолетний был магглорождённым, а Гарри таковым, безусловно, не являлся.

Ей предстояло поговорить с Дамблдором, МакГонагалл и Хагридом, так как, судя по всему, мальчик знал, что они имеют отношение к его исчезновению и последующему жестокому

обращению. Зная склонность старика пренебрегать законом, когда это не соответствовало его целям, она понимала, что ей предстоит нелёгкая борьба за то, чтобы выудить из него хоть какую-то информацию.

Нет, сначала ей нужно усилить охрану мальчика, пока он находится в больнице. Затем она поговорит с МакГонагалл и Хагридом, прежде чем обратиться к Дамблдору. Если понадобится, она убедится в том, что у неё есть все факты, прежде чем обратиться в суд и заставить Дамблдора рассказать о том, что случилось с мальчиком. Ведь он претендовал на магическую опеку над ним, а значит, был причастен к жестокому обращению с мальчиком.

Встав из-за стола, она подошла к своей двери, распахнула её и позвала: "Скримджор! Шеклболт! Сюда!" После чего вернулась к своему столу.

Когда двое старших авроров вошли, она дала им указания подготовить ротационный список из минимум двух человек для круглосуточной охраны мальчика до дальнейших распоряжений.

"И, - прорычала она. "Если Альбус Кровавый Дамблдор или любой другой сотрудник Хогвартса, за исключением Поппи Помфри, попытается приблизиться к нему, я хочу, чтобы им было категорически отказано во входе. Если они будут упорствовать - немедленно арестуйте их и вызовите меня. И лучше, если они будут в чёртовых магических наручниках, когда я приду. Я правильно понял?"

"Да, мэм!" - ответили они оба.

"Хорошо", - сказала она категорически. "Теперь, выметайтесь!"

Они разбежались.

Как только они покинули её кабинет, она вызвала руководителей Департамента по работе с магическими детьми, Отдела по борьбе с неправомерным использованием магии и Отдела по борьбе с обязательством. Она хотела знать, где хранятся документы на одного Гарри Джеймса Поттера. А во втором и третьем кабинетах должны были храниться записи о случайных магических действиях, совершенных мальчиком до поступления в Хогвартс.

Поскольку она расследовала дело о внезапной смерти некоего Квинуса Квиррелла, она имела право открыть запечатанные файлы, касающиеся Гарри Поттера, который, как оказалось, был хотя бы в некоторой степени виновен в смерти этого человека.

Когда мадам Боунс возвращалась в частную палату больницы Святого Мунго, где Гарри проходил курс лечения, у входа ее остановил весьма озабоченный вид старшего аврора Кингсли Шеклболта.

"Мэм, я хочу попросить вас выделить сюда ещё пару авроров", - взмолился он.

"И почему же, Кингсли?" - спросила она.

"Мне уже дважды пришлось отказать Альбусу Дамблдору в просьбе войти. Кроме того, несколько минут назад здесь был лорд Гринграсс с требованием войти, чуть раньше пришла мадам Лонгботтом, а также несколько журналистов и фотографов", - ответил он.

"Дамблдор, я понимаю", - размышляла мадам Боунс. "И да, моё решение о том, что ему запрещено входить в комнату, остаётся в силе, как и в отношении остального персонала Хогвартса, за исключением мадам Помфри. Однако вы не знаете, что мистер Поттер обручён со старшей Дафной лорда Гринграсса. Поэтому вы можете предоставить ему доступ. Дома Поттер и Лонгботтом являются союзными домами, поэтому мадам Лонгботтом также может быть разрешен доступ".

"Я добавлю сюда второго аврора для подстраховки. В соответствии со стандартами, сообщите тому, кто к вам присоединится, что никто не должен говорить об этом с прессой, я правильно понял?"

Почтительно кивнув, Шеклболт ответил: "Да, мэм; спасибо, мэм".

Кивнув головой, мадам Боунс вошла в комнату. Гарри Поттер по-прежнему был без сознания, но рядом с ним находился целитель, который с помощью чар заставил мальчика выпить зелье.

"Как он?" - спросила мадам Боунс.

"Выздоровливает", - ответил целитель. "Мы погрузили его в беспробудный сон, пока даем ему зелья, чтобы восстановить повреждения, нанесенные его телу. Иначе он мог бы немного пострадать от боли".

"И как долго вы собираетесь держать его в состоянии сна?" - спросила она.

"Надеюсь, что сегодня к ужину он проснется", - ответил целитель. "К тому времени боль от целебных зелий станет не более чем раздражающим фактором. А его магия устранил все затянувшиеся симптомы".

Мадам Боунс, поклонившись, сказала: "Как я и обещала, со мной свяжутся, как только он очнется. Я буду в своем кабинете в Министерстве".

Целительница кивнула в ответ: "Да, мадам Боунс". И продолжила свою работу, пока леди выходила за дверь.

Давай, Гарри, - подумала она. Мне нужно с тобой поговорить.

На следующее утро после "инцидента", как о нем говорили, только что закончился последний урок, когда мастер зелий, профессор Северус Снейп, увидел, как в дверь его класса вошел человек, в котором он узнал отца одной из своих новых змей.

"Лорд Гринграсс", - промурлыкал Снейп. "Чем обязан такой чести?"

"Я пришел забрать свою старшую дочь, мастера зелий, Дафну. Полагаю, она одна из ваших", - сказал Сигнус.

"Действительно", - ответил Снейп. "Я так понимаю, это семейное дело?"

"Да", - ответил Сигнус, не став уточнять.

"И когда мы можем ожидать ее возвращения?"

"Скорее всего, сегодня вечером; возможно, завтра утром перед занятиями".

Снейп лишь кивнул и сказал: "Рискну предположить, что она будет сейчас в общей комнате Слизерина. Я полагаю, вы помните дорогу?"

Кивнув головой, Сигнус ответил: "Конечно".

Почти пренебрежительным жестом Снейп сказал: "Пароль - "хитрость и коварство". Я сообщу остальным сотрудникам за ужином, что мисс Гринграсс будет отсутствовать по семейным делам не позднее завтрашнего утра".

"Спасибо, мастер зелий, за внимание", - сказал Сигнус, едва заметно кивнув головой в знак признания, и, повернувшись на пятках, вышел из класса, направляясь в общую комнату Слизерина.